

СОВРЕМЕННЫЙ
РОССИЙСКИЙ
ДЕТЕКТИВ

ПАВЕЛ
АСТАХОВ

НАСЛЕДНИКИ

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А91

В оформлении обложки
использована фотография *Игоря Мухина*.

Астахов, Павел Алексеевич.

А91 Наследники / Павел Астахов. — Москва : Эксмо, 2022. — 352 с.

ISBN 978-5-04-165138-1

Умер известный деятель культуры, писатель и коллекционер Андрей Протасов. Из родственников у него остались вдова и дочь-инвалид. Все его квартиры и дачи, банковские счета, а также бесценные раритеты по наследству должны перейти им двоим.

Но в день открытия завещания случилось нечто необъяснимое. Выяснилось, что незадолго до смерти Протасов составил еще одно закрытое завещание, согласно которому всё переходит в собственность совершенно незнакомым людям. Вдова и дочь остались без жилья, без средств к существованию.

Что же случилось с Андреем Протасовым незадолго до его кончины? Действительно ли он так круто изменил свое решение? Поиском ответов на эти вопросы занялся известный адвокат Артем Павлов...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Астахов П.А., 2021

© Оформление.

ISBN 978-5-04-165138-1 ООО «Издательство «Эксмо», 2022

«Никогда не говорите, что знаете человека очень хорошо, если не делили с ним наследство».

Иоганн Каспар Лафатер

Поминки

Бэлла Альбертовна Протасова, некогда красивая и статная женщина восьмидесяти пяти лет, бледная и неподвижная, безмолвно стояла у окна. Неожиданный легкий стук в дверь заставил ее вздрогнуть.

— Да-да, войдите, — не оборачиваясь, произнесла она.

«Кто-то из гостей? Или Лена? — вспорхнула неожиданная мысль. — А впрочем, сейчас это совсем не важно. Давно пора спуститься вниз», — тут же пронеслось в ответ.

— Бэлла Альбертовна? — раздался тихий осторожный голос. Пожилая женщина медленно обернулась. Сердце, выстукивающее бешеную дробь, слегка притихло, в глазах прояснилось. В дверях с нерешительным видом стояла стройная брюнетка с миловидным лицом. Это была сиделка Елена.

— Заходи, Лена, — устало сказала Протасова, тяжело вздохнув и опустившись в глубокое старинное резное кресло из дуба. — Не маячь, пожалуйста, в дверях.

— Вам нехорошо? — встревоженно спросила Елена, осторожно, словно в нерешительности, входя в комнату. Цепким взглядом она быстро и внимательно окинула весь небогатый и хорошо ей знакомый интерьер спальни и замерла, уставившись на массивный стол, где рядом с фотографией покойного хозяина дома белели рассыпанные таблетки.

— Вызвать «Скорую»?!

Бэлла Альбертовна махнула рукой:

— Не стоит. Бесмысленно. Сейчас отпустит.

Оказалось, что они в спальне не одни, так как спавшая на ковре крупная трехцветная кошка вдруг проснулась, зевнула и, выгнув спину, сладко мурча, потянулась.

— Лена, просто... — Бэлла Альбертовна тяжело вздохнула, словно пытаясь подобрать нужное слово. — Понимаешь, никак не свыкнусь с мыслью, что моего Андрея больше нет...

Блуждающий взор расстроенной старушки остановился на фотографии умершего мужа, и ее глаза моментально наполнились слезами. Она всхлипнула.

— Мне все время кажется, что он здесь, — продолжила вдова, с трудом заставив себя отвернуться и смотреть в другую сторону. — Я просыпаюсь в кровати, но она пуста, и мне кажется, что Андрей уже поднялся и вышел подышать свежим воздухом... Я собираюсь пить чай, а про себя думаю: «Нужно позвать Андрея, я ведь как раз приготовила медовый рулет, его любимый. Кто-то звонит в дверь, а у меня мгновенная мысль — к Андрею гости, почему же он меня не предупредил?! Нужно ведь что-то к столу подать...

— Бэлла Альбертовна, вы знаете, но я тоже очень привязалась к Андрею Васильевичу, — тихо сказала сиделка. — И хотя я у вас не так давно работаю, но ваш муж был необыкновенным человеком. Самым настоящим мужчиной, с большой буквы, позвольте так сказать.

— А я все время думаю, что вот вся эта суета закончится и мы пойдем на улицу, прогуляемся в роще, — будто не слыша сиделку, снова заговорила вдова. — Мне все время чудится, что он тут, рядом с нами.

Она быстро смахнула скользнувшую по щеке слезинку:

— А на самом деле он вот уже как сорок дней в земле. Какая нелепость! Непостижимо! Умереть в собственный день рождения, разве это простая случайность? А ведь ему в этот день исполнялось целых сто лет!

Елена деликатно молчала. Слова сочувствия и утешения уже давно были высказаны, и сейчас она не видела смысла рассыпаться в однообразных и бессмысленных, по сути, соболезнованиях.

Казалось, старушка поняла, о чем думает сиделка, и с горечью проговорила:

— Когда теряешь близкого, слышишь только себя, свою боль, и эта боль буквально разрывает тебя на части. Безжалостно разрывает. Не обижайся, Лен. Но я лишний раз убеждаюсь, что мы все жуткие эгоисты. Мы плачем не по ушедшим от нас родным, а по себе самим. Мы горюем потому, что будем лишены всего того, что давал нам этот человек...

Кошка неслышно приблизилась к Протасовой и, замерев на мгновение, прыгнула к ней на колени. Бэлла Альбертовна ойкнула и бесцеремонно спихнула питомицу вниз:

— Не до тебя сейчас, Маша.

Недовольно мяукнув, кошка вернулась на ковер и уселась, принявшись сосредоточенно вылизываться.

— Марина внизу? — задала вопрос вдова, и Елена в ответ кивнула:

— Я дала ей лекарство, она в порядке.

Бэлла Альбертовна не без труда поднялась с кресла.

— Мне уже лучше, — сказала она. — Пожалуй, надо спуститься, перед гостями неудобно.

— Гости почти все ушли, — сообщила Елена. — Кроме Коржиной и Сацивина.

Бэлла Альбертовна озадаченно взглянула на сиделку, уловив в ее голосе нотки неприязни.

— Ты ими недовольна? — спросила она, и щеки Елены вспыхнули румянцем:

— Ну, «недовольна» — это слишком сильно... Да и вообще, Бэлла Альбертовна, кто я здесь такая, чтобы критиковать ваших друзей?

— Ты ухаживаешь за нашей с Андреем дочерью, — напомнила вдова. — Помогаешь мне... И мы... — Она запнулась. — Я тебе доверяю. Если тебе есть что сказать, не держи это в себе, Лена. Я всегда считала Руслана и его супругу порядочными людьми. Если я ошибаюсь, то приведи доводы.

Сиделка развела руками.

— Это все на уровне интуиции, — нерешительно отозвалась она. — Знаете, как-то неестественно

выглядела их скорбь... Может, я тоже ошибаюсь, но что-то в них фальшивое...

— Ты заблуждаешься, Лена. Андрей давно знал их, эта семейная пара из серьезной общественной организации, они многим помогли... Кстати, тебя как сиделку Марине порекомендовала именно Лидия Коржина!

Последняя фраза прозвучала почти как упрек, и Елена поджала губы.

— Андрей бы сразу учуял подвох, если бы с ними было что-то не так, — подвела итог Протасова. — Ладно, идем вниз.

В гостиной было тихо, и без того большой обеденный стол, за которым осталось лишь трое, выглядел гротескно огромным. Застеленный белоснежной скатертью, он ломился от всевозможных блюд и закусок, но даже после ухода основной части гостей многое из выставленного на столе осталось нетронутым. У самого края стола в инвалидной коляске сидела дочь умершего Марина Андреевна, которая с отсутствующим видом отпивала чай маленькими глотками. Неподалеку расположилась семейная чета, которую минуту назад обсуждали вдова с сиделкой.

— Дорогие гости, я прошу прощения, что оставила вас ненадолго, — извинилась Бэлла Альбертовна, усаживаясь рядом с дочерью. — Что-нибудь еще желаете? Кофе, может быть? Я попрошу Лену, она приготовит.

Руслан Сацивин, тучный лысеющий мужчина лет пятидесяти пяти в бархатно-черном костюме, отрицательно покачал головой.

— Спасибо, но не стоит, Бэлла Альбертовна, — заявил он. — Мы и так вам столько хлопот доставили!

— Ах, господи, какие хлопоты, Руслан, — вздохнула вдова. — Мы... — она на секунду запнулась, — то есть я всегда вам рада. И когда был жив Андрей... У нас гости бывали чуть ли не каждую неделю. Да что я говорю, вы сами все прекрасно знаете!

Голос старушки дрогнул, уголки глаз вновь повлажнели, и Марина успокаивающе взяла ее за руку.

— Мама, все хорошо, — вполголоса сказала она. — Нашему папе сейчас хорошо. Он прожил долгую и необыкновенную жизнь. Насыщенную и достойную. Он умер в полном здравии и рассудке, в родном доме, а не на больничной койке под капельницей...

— Войну прошел, трижды ранен был, — счел необходимым добавить Сацевин. Он потянулся за бутылкой и наполнил хрустальную рюмку водкой. — Военным корреспондентом в Чехословакии и Афганистане работал!

— Не человек, а талантище! — подхватила Лидия Коржина.

В отличие от своего супруга эта женщина была невероятно худой и плоской, словно доска. Тем удивительней было то, с каким аппетитом она поглощала яства и целые блюда, выставленные на столе в честь поминок, начиная от холодных закусок, заканчивая заварными пирожными, которые накануне лично испекла Бэлла Альбертовна. Яркий и обильный макияж на ее вытянутом лице скорее выдавал истинный возраст женщины, нежели придавал ей молодость,

но Коржину это не смущало — подобным образом она красилась всегда.

— ...сколько книг написал! У меня все работы Андрея Васильевича на полке стоят! И заметьте, все, без исключения, с автографами! — с гордостью продолжала тараторить она. — А хозяйственный какой был, все в дом, в дом... И планов у него было, ух! Громадьё, как раньше говорили! Минутки свободной не было, весь день расписан! Но при этом родным всегда время уделял, не забывал, да...

— Ну, царствие небесное, — пропыхтел Сацивин, одним махом выпивая рюмку. Поморщился, зажевав ломтиком холодной телятины.

— Вечная память, — закивала Лидия. Проглотив очередное пирожное, она тщательно вытерла рот салфеткой.

— Вы, Руслан, лучше скажите маме, о чем мы недавно говорили, — внезапно сказала Марина.

Сацивин кашлянул, бросив испытующий взгляд на вдову.

— Это, собственно... гм... может, потом?

Брови вдовы удивленно приподнялись.

— Это имеет какое-то отношение к Андрею? — поинтересовалась она.

— Да, в общем-то, ничего такого мы не обсуждали. — Он принужденно, натужно улыбнулся.

— Рассказывайте уж, раз тему затронули.

— Просто мы... в общем, тут на днях с Лидой говорили, — сбивчиво начал Сацивин. — Бэлла Альбертовна, ведь Андрей Васильевич в последние месяцы тесно общался с рядом кинокомпаний?

— Да, он говорил, что у него есть сценарий для фильма, — подтвердила пожилая женщина. Она смотрела перед собой, на свои искривленные артритом дрожащие пальцы. — Мол, вы сами посоветовали ему экранизировать одну из его книг.

— Ни для кого не секрет, что киноиндустрия — дело весьма дорогущее, — пояснил Сацивин, пропустив последнюю фразу мимо ушей. Он взглянул на пустую рюмку и зачем-то отодвинул ее в сторону, словно она мешала важной мысли. — Конечно, исторические фильмы о войне сейчас востребованы нашим обществом, но...

Он умолк, промокнув покрытый испариной лоб салфеткой.

— Руслан хочет сказать, что папа мог взять взаймы денег для съемок, — хмурясь, закончила вместо него Марина. — И никому об этом из нас не сказал.

— Деньги для фильма? — переспросила Бэлла Альбертовна. Она тоже сдвинула брови — такой неожиданный поворот событий озадачил ее. Она никогда и в голову не могла пустить мысль о том, что ее Андрюша мог ТАКОЕ сделать без ее ведома. И сейчас это сообщение стало для нее явно не совсем приятным сюрпризом.

— Видите ли, Бэлла Альбертовна, — заговорила Коржина, очевидно, решив перехватить инициативу и взять разговор в свои руки. — Вы же знаете, что теперь, после того как ушел Андрей Васильевич, вы являетесь наследниками. Вы и Марина, так ведь?

Бэлла Альбертовна замешкалась. Она неожиданно поймала себя на мысли, что на протяжении всех

сорока дней со смерти мужа ей ни разу не пришло в голову озаботиться вопросами предстоящего наследства. Не до этого было, все затмили похороны, подготовка к поминкам и бесконечные встречи с сочувствующими друзьями и приятелями Андрея Васильевича... А еще безразмерное горе и боль в душе, не отпускающая ни на секунду.

— Пожалуй, да, — сказала она после небольшой паузы. — Бывшая жена Андрея Васильевича давно умерла. От этого брака у моего мужа был сын, Петр, но они между собой не особенно ладили. Я даже не знаю, жив ли Петр... У него, кстати, есть сын Эдуард, он является внуком моего супруга. С ним у Андрея Васильевича тоже не сложились отношения. Насколько я была осведомлена, все финансовые дела с той семьей были улажены еще давно. И, если я не ошибаюсь, больше никаких наследников нет, только мы с Мариной. К тому же Андреем Васильевичем еще при жизни было составлено завещание.

Сацивин и Коржина переглянулись.

— Бэлла Альбертовна, мы, конечно, понимаем, что на поминках и даже на «сороковинах» такие вопросы поднимать неуместно, — произнес Руслан. — И все же... Андрей Васильевич был неординарной личностью, и мы считаем своим долгом защищать его доброе имя даже после смерти. Как известно, наследники, помимо какого-то имущества, также принимают все долги умершего.

Бэлла Альбертовна почувствовала, как внутри что-то болезненно зацарапалось.

— Вы хотите сказать, что... — она отпила минералки, так как горло внезапно стало сухим, — что мой супруг остался кому-то должен? Что он не успел решить свои финансовые проблемы при жизни?

— Достоверно этого никто не знает, в деловых вопросах Андрей Васильевич был очень закрытым человеком, — заявила Коржина. Насытившись, она выудила из сумочки зеркальце и, мельком глянув в него, с удовлетворением кивнула. — Но лучше подстраховаться. Как говорится, береженого бог бережет, а не береженого конвой стережет!

— Извините, что вмешиваюсь, но сегодня сорок дней, как не стало папы, — напомнила Марина. Помедлив, она добавила: — Не знаю, как мама, а мне неприятно в этот день обсуждать имущество нашего отца. Как и его долги. Простите.

— Мариночка, да о чем речь? — тут же воскликнул Сацивин. — Мы ни в коей мере не желали омрачать и без того этот скорбный день! Мы с Лидой просто очень волнуемся за вас! Только из самых искренних и лучших, так сказать, побуждений!

— Пожалуй, нам пора, — известила Коржина. Убрав зеркальце в сумочку, она пихнула локтем мужа: — Соберайся, и так людей задерживаем.

Бэлла Альбертовна хотела что-то сказать, но так и осталась сидеть, с тоской глядя перед собой покрасневшими от слез и бессонницы глазами.

— Спасибо, что пришли почтить память, — вымученно улыбнулась Марина. — Еще раз извините, если что не так.

— О чем вы, Мариночка! — широко улыбнулась Коржина. — Звоните в любое время! Мы всегда будем вам рады помочь!

— Лена! — позвала Марина сиделку, видя, как семейная чета поднялась из-за стола. — Проводи, пожалуйста, гостей!

Уже поздним вечером, когда все было убрано и Марина отправилась в свою комнату, Бэлла Альбертовна решила поставить телефон на зарядку. Внимание Протасовой привлекло одно непрочитанное сообщение, поступившее около восьми вечера от неизвестного абонента. Полагая, что это какая-то реклама, она уже намеревалась удалить его, но что-то заставило ее открыть послание.

Несколько секунд вдова молча глядела и пыталась осмыслить высветившийся на экране текст, вновь и вновь перечитывая его. Увиденное с трудом укладывалось в голове. Сообщение было коротким, уместившись всего в четыре слова, и оно вызывало не просто удивление, а парализующую все ее существо оторопь:

«Откажитесь от наследства добровольно».

Счетчик включен

— Может, откроешь, Эд? Это уже в четвертый раз, — сказал тощий парень лет двадцати пяти, после того как в коридоре раздался очередной звонок в домофон. У молодого человека было испитое болезненное лицо, мутные глаза украшали налившиеся сине-

вой мешки, из уголка рта торчала тлеющая сигарета, пепел сыпался прямо на замызганный паркет.

— Да хоть в тридцать девятый, — откликнулся парень, к которому обратился курящий. Он разлил остатки коньяка по заляпанным жиром рюмкам. — Сегодня вы мои гости, Алекс.

— Это радует. Вот только руки у тебя трясутся, бро, — заметил Алекс, прищурившись. — И это не от «синьки». Тебя что-то конкретно напрягает, да?

— Тебе оно надо? — насупился Эд, искоса поглядывая на свои руки.

Алекс пожал плечами, затянувшись, выпустил струйку голубого вонючего дыма в потолок.

— Лера! — позвал Эд, но тот его остановил жестом:

— Она спит, оставь ее.

Эдуард поднял голову, сфокусировав взгляд на девушке, лежащей на продавленном диване. Со стороны казалось, что она увлеченно смотрит телевизор, где шла передача об африканских животных, но в действительности же веки юной особы были прикрыты, а грудь мерно вздымалась в такт дыханию. Она спала.

— Эд, если мы тебе в тягость, не проблема, — снова подал голос Алекс. — Мы уйдем, только скажи.

Эдуард дружелюбно усмехнулся, но взгляд его оставался напряженным.

— Все норм, бро. Давай, за дружбу.

Молодые люди выпили. Алекс сделал последнюю затяжку и отправил окурочок в пустую банку из-под оливок.

— Это последняя? — спросил он, кивнув в сторону опустевшей бутылки.

— Да, — последовал ответ.

— У меня еще немного лаве осталось, хватит еще на один флакон, — сообщил Алекс, демонстративно ткнув пальцем в карман джинсов.

Эд вяло смотрел перед собой.

— Как хочешь.

Алекс поднялся на ноги, поправив кожаный ремень.

— Так, зажигалка на месте... Может, вместе прогуляемся? Мозги прочистим?

Эдуард нервно поерзал, затем, вынув из кармана растянутую потертую резинку, принялся собирать длинные волосы в конский хвост.

— Не, я, пожалуй, приберусь.

Алекс внимательно и укоризненно смотрел на приятеля:

— Ты дома торчишь уже третий день, Эд. Как пенсионер-инвалид. На тебя это не похоже. Тебя контузило, что ли?

Видя, что тот не настроен на откровения, парень, слегка пошатываясь, двинулся в сторону прихожей.

— Ну, смотри сам, — пробурчал Алекс, выискивая среди наваленной обуви свои стоптанные кроссовки. — Возишься с ним, бухлом-травой подогреваешь, а он как партизан, блин...

Пока он бормотал, обуваясь, Эдуард собрал с пола пустые бутылки и прочий мусор (единственный стол в съемной квартире был сломан, и гулянки в последнее время происходили прямо на полу) и нет-

вердой походкой направился в сторону кухни. Он едва успел приблизиться к забитому доверху мусорному ведру, как в дверь позвонили.

«Значит, все-таки прошли в подъезд».

Эта мысль сверкнула в мозгу Эдуарда как ледяная молния, и его обдало холодом.

— Не открывай! — завопил он, но было уже поздно — Алекс щелкнул замком, распахивая дверь. И тут же, получив короткий и мощный удар в физиономию, рухнул как подкошенный. Зажигалка, которую он держал в руке, вылетела из пальцев, покотившись по коридору.

Эд застыл, как каменное изваяние, не в силах пошевелиться от охватившей его паники.

«Это от Графа. От Графа», — беспрестанно колотилось в мозгу. Он тоскливо посмотрел в сторону окна. Эх, если бы это был первый или, на худой конец, второй этаж! Но сейчас все они находились на восьмом, и если он выпрыгнет, то от него останется лишь отвратительная кровавая лепешка... «Нет, это не выход...»

— Привет, Эдик, — поздоровался с ним крупный мужчина средних лет, входя на кухню. На темной футболке, плотно облегающей его мускулистое тело, величаво пестрело изображение герба России.

Бесцеремонно схватив парня за сальный волосяной хвост, он потащил молодого человека в комнату. Эдуард попробовал было сопротивляться, но незнакомец дернул его за гриву с такой силой, что у того на глазах выступили слезы. Боль была такой, словно на голову плеснули кипящим маслом.

— Будешь рыпаться, Эдик, я с тебя скальп сниму, — ласково пообещал незнакомец. Он втокнул парня в комнату, и тот, потеряв равновесие, грохнулся на пол, задев локтем табуретку. Она перевернулась вместе с тарелкой, заполненной очистками от семечек вперемешку с мандариновой кожурой. От этого шума проснулась девушка. Испуганно подобрав ноги, она прижалась спиной к стене, переводя осоловелый взгляд с хнычущего Эда на мрачного незнакомца.

— Алекс? — пискнула она.

В дверном проеме замаячила фигура второго гостя, еще более внушительных габаритов, чем первый.

— Дома есть еще кто? — отрывисто спросил он. У него были густые черные волосы, аккуратно зализанные назад, и бородка-эспаньолка без усов. — А?! Кого спрашиваю, доходяги?!!

— Нет, — проблеял Эд. Будто загипнотизированный, он тарачился, как этот «двухстворчатый шкаф» в дверях держит за шиворот Алекса. Держит небрежно, словно надувшего лужу щенка, которого собирался наказать. Из расплющенного носа Алекса на паркет гулко падали капли крови.

— У вас, я гляжу, вечеринка? — полюбопытствовал мужчина в футболке с гербом. Он брезгливо пнул ногой банку из-под оливок, и та, позвякивая, покатилась по полу, рассыпая на своем пути раскисшие окурки.

— Ну...

— Почему дверь не открывал? — улыбнулся незнакомец. Улыбался лишь его рот, словно кто-то аккуратно растягивал в стороны уголки его губ, глаза же полыхали жгучей ненавистью.

— Заставляешь людей на улице торчать, мерзнуть... — цедил он. — Пришлось ждать, пока наконец одна добрая бабуля нас пропустила...

— Кто из них? — любопытно спросил «шкаф», и его компаньон ткнул пальцем в Эда. Мгновенно потеряв интерес к Алексу, громила отшвырнул его в сторону и с самым решительным видом слегка театрально вытер руки об джинсы, словно они были испачканы.

— Эдик, Граф хочет знать, когда он получит назад свои деньги, — наконец перешел к делу здоровяк в майке. — Времени у нас мало, ты и так заставил нас потратить на тебя целый час.

— Я... это, я все помню, — промямлил Эд. Он медленно поднялся, взглянул на валяющуюся табуретку, но сесть на нее не решился и просто засеменял назад, уткнувшись копчиком в подоконник.

— Это просто чудесно, что у тебя хорошая память, — подмигнул вышибала. — Заодно хотелось бы тебе напомнить, что, когда тебе понадобятся деньги, ты обратился к Графу. Напомнить почему?

— Потому что ни один банк не дал бы мне кредит, — угрюмо ответил Эд.

— Ага, верно. И только Граф вошел в твое положение. Так сколько сейчас за тобой?

— Полтора ляма, — выдавил из себя Эд.

— Верно, только забыл приплюсовать проценты в виде пятидесяти тысяч рублей, — поправил его незванный гость. — Граф дает тебе срок — неделя. Ты хорошо понял, Эдик?

Молодой человек энергично закивал, рискуя вывихнуть шею.